

АНАТОЛИЙ Н. КИРПИЧНИКОВ

ДВЕ ВЕЛИКИЕ БИТВЫ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Abstract: During his short lifetime (1220-1263), Prince Alexander Yaroslavovich exercised command in 12 battles, fought with Swedish, German and Lithuanian troops, winning them all. He lived in troubled times. Forced to accept Mongol domination, the prince had to resist his neighbours' attempts to conquer northwest Ruthenia. Two of his battles were of particular significance. In 1240, the Swedish sailed up the Neva River into Russia and set out a military defensive camp by the mouth of the Izhora River. After a day's battle, Alexander succeeded in defeating the enemy and forcing them to withdraw. He was nicknamed "Nevsky" in recognition of his deeds. He also stopped the Livonian Brothers of the Sword's expansion by winning the victory in the Battle of Lake Peipus, fought largely on the frozen lake. The experience gained during the two battles enriched Ruthenian military art, made Alexander famous, saved the freedom and independence of northwest Ruthenia.

Keywords: the Middle Ages, military, Alexander Nevsky, Rus

За свою недолгую жизнь (1220-1263)¹ князь Александр Ярославич, судя по письменным источникам, провел не меньше двенадцати битв и военных операций со шведами, немцами, литвой и во всех добился успеха. Для русского полководца того времени это факт удивительный.

Большую часть военных предприятий Александр Ярославич осуществил в период, когда был новгородским князем (1236-1252 гг). Начало княжения в Новгороде было особенно трудным и именно тогда, с почти внезапной силой обозначился яркий талант князя Александра как военачальника, мастера решающих сражений.

При нем выработались или отшлифовались характерные черты „русского боя”. Борьба последовательно велась с тем или иным противником, который в тот момент был главным. Четко действовала разведка. Осуществлялись скрытность и внезапность выступлений войска и нападения. При такой подготовке даже малые силы обнаружили свою эффективность. Этому соответствовала мобильность и быстрота передвижения преимущественно конного войска. Бой предлагался противнику на своих условиях в заранее выбранном месте. Предводитель возглавлял нередко несколько отрядов, включавших свою дружину, ополчение новгородцев

и союзников. Это обеспечивало маневренность войска в схватке.

Отмеченные черты приложимы к разновременным войнам средневековья, но в эпоху Александра Невского они получили особую отточенность и мастерство. Полководец свободно владел ситуацией, хорошо знал военные приемы соседей, опирался на подготовленных надежных ратников, поэтому не боялся померяться силами с врагом.

Деятельность Александра Ярославича развертывалась в период тягчайшей военной катастрофы Руси, связанной с татаро-монгольским нашествием 1237-1241 гг. Организуя отпор западным противникам, князь Александр осознал невозможность борьбы с монголами. Слишком неравны были силы.

Напасти коснулись и семьи князя. Его отец Ярослав Всеволодович загадочно умер в 1246 г. на обратном пути из Монголии на Русь. Брат Андрей в соперничестве за великокняжеский Владимирский стол в 1252 г. навлек поход ордынского царевича Неврюя. Недавно восстановленные города Владимир и Переяславль подверглись новому погрому.

Пять раз был вынужден Александр Ярославич ездить на поклон к монгольским ханам. Ему пожаловали ярлыки сначала на великое княжение в Киеве и Русской земле, затем во Владимире. Во время поездки в Орду в 1262-1263 гг. Александру удалось отговорить хана Берке от мобилизации русских людей для участия в походе монгол на Иран, но в 1257-1259 гг. он не смог

¹ По мнению В. А. Кучкина, Александр Ярославич родился не в 1220, а в 1221 г. См.: Кучкин 1986, 174-176.

приостановить перепись новгородцев, что означало регулярный сбор дани баскаками.

Ценой вынужденного подчинения чужеземному, монгольскому игу Александр Ярославич спас от разгрома Новгородскую и Псковскую земли и ослабил неприятельское давление на северо-восток Руси. Он напряженно искал выход из создавшегося неустойчивого, чреватого взрывами, положения. Возможно, у Александра Ярославича созрел план постепенной нейтрализации европейских противников, а, в дальнейшем, союза с ними для укрепления собственной самостоятельности. Не случайно после военных побед князь предлагал легкие для побежденных мирные соглашения, а в 1250-1260 гг. заключил с немцами и литовцами союзные договоры. Едва ли не впервые в средневековой Европе Александр Ярославич выдвинул идею нерушимости границ – „жити не преступающе в чужую часть”².

Кажется, что во второй половине жизни Александр Ярославич сделал восточный выбор, чтобы заручиться поддержкой Орды и обезопасить страну от наездов монгольской конницы. Однако это неполная истина. Политика великого князя на самом деле была евразийской и заключалась в балансировании между силами Запада и Востока. На Западе приходилось выступать с оружием в руках и предложениями „мягкого мира” и союза, на Востоке – методами дипломатии, уговорами и просьбами. Организовать войну на „два фронта” было невозможно, а мир был слишком хрупким. Добиться стабильности или преимуществ оказалось невероятно трудным. В этом проявились одновременно и мудрость, и трагедия Александра Невского – воина на троне и стратега, „державшего в голове” карту своих геополитических действий в масштабах почти всего Старого Света и пытавшегося возродить былую мощь Русской земли.

Преждевременная смерть князя прервала его замыслы. Оглядываясь на его деятельность, полную храбрости, риска и компромисса, следует признать незаурядность личности Александра Невского. Вряд ли другой человек на его месте в той обстановке мог бы сделать больше. В этом отношении Руси повезло с вождем, руководившим страной в период, когда под вопрос было поставлено само выживание народа.

Теперь обратимся к началу военных свершений Александра Ярославича, сразу возвысивших его как непобедимого полководца.

Сначала речь пойдет о шведском походе 1240 г. на Северо-Западную Русь, который был задуман с далеко идущими захватническими целями. Словами летописи, сказанными, может быть, с долей преувеличения, „хотяче восприяти Ладогу, просто же реку (Неву – А. К.)

и Новгород и всю область Новгородскую”³. То была явная попытка отторгнуть от страны выход к Балтике, отрезать доступ к корельским и финским землям, закрыть торговые пути на запад, покорить если не всю, то жизненно важную часть Новгородской земли. В войске, кроме шведов, участвовали мурмане (норвежцы), емь и сумь, отмечены „пискупы”, что придавало нашествию крестоносный характер.

Ижорский старейшина Пелгусий, которому была поручена „стража морская”, устерег движение шедших морем шведов и сообщил об этом в Новгород.

Реакция новгородцев на военное вторжение была незамедлительной. Шведы успели продвинуться по Неве до устья реки Ижоры, где расположились станом „с обрытьем”⁴, что примерно соответствовало одному дневному переходу гребных судов. За необычайно короткое время, вероятно, всего за один день Александр Ярославич собрал войско, „пойде на них в мале дружине, не съждався с многю силою своею”⁵.

Здесь угадывается план молодого полководца – не допустить шведов до города Ладоги, воспрепятствовать разорению прилегающих к реке Неве мест и внезапно напасть на врага во время его становки в полевом лагере у реки Ижоры. В составе снаряженного в Новгороде войска находились воины княжеского двора и новгородские ополченцы. Войско по преимуществу было конным и дополнялось пехотой, передвигавшейся, надо думать, также на конях. Для ускоренного передвижения войска к месту сражения на Неве более предпочтительной была не речная по Волхову, а сухопутная „Водская дорога” от Новгорода через Тесово к реке Неве. Ее протяженность составляла примерно 150 км. Форсированным маршем рать могла преодолеть такое расстояние за

³ *Новгородская Первая летопись*, 77 старшего и младшего изводов. Более подробно о Невской битве: Кирпичников 1995, 24-30.

⁴ Бегунов 1965, 165. По суждению В. А. Кучкина (высказанному им при обсуждении моего доклада в Новгороде во время конференции „Александр Невский и история России”), приведенные в Лаврентьевской летописи слова донесения Пелгусия „да скажет ему (Александру Ярославичу – А. К.) станы и обрытья их” (шведов) могут свидетельствовать о строительстве в устье Ижоры шведами с помощью финнов долговременной крепости (ср. Кучкин 1994, 57). С этим мнением вряд ли можно согласиться. В тот период шведы еще не строили крепостей на захваченных русских территориях. Первый случай такого рода по достоверному летописному сообщению отмечен в событиях 1256 г. В 1240 г. шведы ставили своей целью захват существовавших русских укреплений, например, Ладоги. О строительстве крепости обычно сообщалось: „чинити город”, „город учиниша”, „поставиша город”. Что касается слова „обрытье”, то оно употреблялось в значении „окопаться, окружить себя рвом”, то есть временным ограждением для полевой стоянки войска. Точно сформулировал это книжник XI в.: „Аще внидут в супостатные земли, то не починают рати преже даже не оброют ся” (Мещерский 1958, 218).

⁵ *Новгородская Первая летопись*, 291-292.

² Бегунов 1965, 163.

два дня⁶. К месту схватки войско подошло пополненное, по сообщению летописи, отрядом ладожан.

Войско Александра Ярославича подступило к шведскому лагерю 15 июля 1240 г., а в половине девятого утра, началось сражение, словами летописца, „ту бысть велика сеча свеем”⁷. Битва, судя по источникам, отличалась упорством, отвагой и отчаянной смелостью ее новгородских участников. С самого начала битвы им принадлежала боевая инициатива. Можно думать, что ожесточенное сопротивление оказали и шведы, тем более, что их отступление было до крайности затруднено. В тылу были реки Нева и Ижора, а посадка на корабли, если она была бы спешной или панической, означала верную гибель войска.

Представить Невскую битву можно лишь в отдельных моментах, используя сведения жития Александра Невского. Агиограф по данному поводу выразительно пишет: „Си вся слышахом от господина своего Олександра и инех, иже в то время обретошася в той сечи”⁸.

Житие подтверждает поотрядное боевое построение войск, названных полками. К их числу можно отнести воинские подразделения: княжеского двора, несколько новгородских (указано, в частности, что один из новгородцев – Миша – имел свою дружину) и ладожское. В житии упомянуты двое влиятельных новгородцев – Гаврила Алексин и Збыслав Якунович. Эти люди, несомненно, руководили своими дружинами. Таким образом, русское войско насчитывало не менее пяти отрядов. Разделение на тактические единицы было, видимо, присуще и шведскому войску.

Сохраненные в житии детали позволяют считать, что сражение 1240 г. развертывалось во многом по тактическим правилам боя, принятым в средневековье. В такого рода схватках участвовали сплоченные отряды, построенные в эшелонированный боевой порядок. Под водительством своих воевод эти отряды на поле боя, если первый натиск не приводил к немедленному результату, сходились и расходились, то есть сшибки враждующих повторялись и развертывались как бы волнообразно⁹. Так, видимо, происходило и во время Невской битвы, что подтверждается использованием в тексте жития выражений: „наехал”, „наеха многажды”, „наскочи”. Многократное участие в схватке возможно в случаях, когда тактические подразделения сохраняют боевой порядок и, сохранив строй, способны к сближению, маневру, отходу, послушны управлению.

Битва, как обычно было принято в то время, началась с атаки конных копейщиков. Это устанавливается на основании следующей фразы жития: „и самому

королю възложи печать на лице острым своим копием”¹⁰. Эти слова переводят в смысле, что сам король был ранен в лицо. Такое понимание, думаю, неверно. „На лице” в данном случае означает передовую сторону строя шведских войск. В воинских описаниях „сташа в лице” – значит расположиться передней стороной или стать напротив, перед войском¹¹. „Печать на лице” можно трактовать как знак, отметину, урон, нанесенный шведскому войску ударом конных копейщиков. Следовательно, уже в первом натиске новгородцы причинили ущерб построению шведов.

Особую похвалу, согласно житию, заслужили бойцы, которые в бою действовали с необычной смелостью, вне строя вступали в единоличное единоборство с врагом. Перечислены шесть храбрецов. Они рубились в середине вражеского войска, проникли до шатра командующего, прорвались к стоянке кораблей и уничтожили три из них. Все это свидетельствует о том, что во время затянувшейся рукопашной схватки ряды шведов были расстроены и прорваны, а их отдельные отряды боролись не вместе, а, возможно, были частью разъединены.

Сражение в устье реки Ижоры, по-видимому, затянулось до вечера. К ночи рати расступились. Судя по летописным замечаниям, шведское войско, несмотря на поражение, не было уничтожено. К утру неприятель, не в силах продолжать борьбу, полностью очистил поле битвы, отплыв на судах. Уходу остатков шведского войска не препятствовали. Сказались ли здесь рыцарские приемы ведения боя, позволявшие во время передышки хоронить своих, или новгородцы сочли дальнейшее кровопролитие напрасным, или Александр Ярославич не хотел рисковать своим понесшим потери войском – нельзя исключить ни одно из этих объяснений. Свершилось главное – неприятель был сокрушен и затем убранся восвояси.

О численности противоборствующих сил можно судить по косвенным данным и прежде всего по указаниям о потерях. Синодальный список Новгородской Первой летописи сообщает, что шведы после битвы вывезли на двух кораблях своих погибших „вятших людей”, а прочих „ископавше яму, вметаша в ню бечисла”. Нет оснований сомневаться в этих известиях. Речь в данном случае идет, по-видимому, о десятках, может быть, сотнях убитых.

Тот же источник приводит потери новгородцев: „всех 20 мужь с ладожанами, или мне (меньше) Бог весть”¹². В этом подсчете в первую очередь учтены состоятельные воины, командиры в том числе мелких тактических единиц – копий. Вместе с простыми ратниками потери были вероятно, несколько большими.

⁶ Кирпичников 1980, 37.

⁷ *Новгородская Первая летопись*, 77.

⁸ Бегунов 1965, 168.

⁹ Кирпичников 1980, 53.

¹⁰ Бегунов 1965, 166.

¹¹ Срезневский 1902, 31-33; Словарь 1981, 256.

¹² *Новгородская Первая летопись*, 77.

Судя по умеренному числу жертв битвы, названному с обеих сторон, численность участников Невской битвы максимально измерялась сотнями, а не тысячами человек. Именно такими малыми силами велись многие феодальные войны. Они поэтому не сопровождались крупными потерями. Похоже, что Невская битва также не отличалась грандиозностью своего размаха и большим числом участвовавших в ней людей, что, однако, не снижает ее судьбоносного исторического значения. Целостность страны и свободный выход к Балтике были сохранены.

Победа на Неве явилась первым военным успехом Александра Ярославича. Это проявилось на всех стадиях операции, включая разведку Пелгусия, быстрые, скрытные, внезапные действия войск на стадии похода и нападения, организацию первого натиска и поведения отрядов, разорвавших построение неприятельского войска. Умелые действия воинов, точное управление походом и боем самого Александра Ярославича, высокий моральный дух ратников – все это в немалой степени обеспечило достижение победы. Отпор шведам умножил решимость русских людей защищать единство и целостность своей страны. Невское побоище отрезвило шведских феодалов. До 1256 г. они не покушались на земли Новгорода Великого. Невская битва стала примером общенародного подвига. В честь этой битвы князя Александра, ее главного героя, стали именовать Невским.

Через два года на льду Чудского озера произошла еще одна битва, памятная для русской истории. Летописные и житийные свидетельства о ней по сравнению с Невским сражением более лаконичны: нет данных о расстановке своих полков, подвигах единоборцев, поведении полководца. Нет имен погибших новгородцев, что нередко отмечалось, если их число было значительным. Скорее всего, это объясняется неполной или несвоевременной информацией о случившемся. Недостающие подробности Ледового побоища отчасти восполняются изложением „Старшей ливонской рифмованной хроники”, написанной в последнем десятилетии XIII в.

В 1242 г. новгородцы, рассорившиеся было с князем Александром, вновь пригласили его для продолжения освободительной войны с Ливонским орденом. Момент похода был выбран удачно. Немцы, воцарившиеся в Пскове и его области, не успели там укрепиться. Часть их сил воевала против куршей и литовцев. Выступление русских войск явилось для Ордена неожиданностью. В результате рыцари без боя были изгнаны из Пскова, а войско Александра вслед за этим вторглось в ливонские пределы. В состав рати входили новгородцы, княжеская дружина самого полководца, и „низовцы” из Владимиро-Суздальской земли – отряд великого князя Ярослава Всеволодовича, отряженный под руководством брата Александра, Андрея. В войско,

по сообщению Псковской Первой летописи, входили псковичи¹³, присоединившиеся, очевидно, после освобождения города. Приведенный перечень позволяет предполагать, что силы русских а насчитывали не менее трех полков. Еще одно подразделение отмечено Рифмованной хроникой – это стрелки-лучники.

Полки достигли Дерптского епископства, но осадить Дерпт не стали, а держались в прибрежной части Чудского озера. Братья-рыцари Ливонского ордена и дерптцы (летопись называет их чудью, но среди них могли быть и немцы), возможно, при поддержке датчан, владевших Северной Эстонией, поспешно выступили навстречу русской рати¹⁴.

Новгородцы осуществили необычный маневр: они отступили на лед Чудского озера „на Узменей у Вороней камня”. Туда подошло и орденское войско. Таким образом, место битвы было предложено русской стороной с явным расчетом осуществить против немецкого построения, названного „свиньей”, маневренный бой одновременно несколькими, по преимуществу конными, отрядами. Судя по показаниям источников, создается впечатление, что немецкое войско не разделялось на отряды, а выступало одной сплоченной массой.

Обе рати сошлись на бой утром 5 апреля 1242 г. Первый удар немецкого построения приняли стрелки-лучники. По словам Рифмованной хроники, „русские имели много стрелков, которые мужественно приняли первый натиск (находясь) перед дружиной князя. Видно было, как отряд (*Banner*) братьев-рыцарей одолел стрелков”¹⁵. Лучники не помешали движению немцев, но они и не должны были вступать в рукопашную схватку. Эта последняя завязалась, когда после сближения в бой вступили главные силы. Здесь с обеих сторон сходились конные копейщики, которые после таранного столкновения переходили к использованию клинкового оружия. Автор жития Александра Невского передает ожесточение борьбы в довольно точных, впрочем, традиционных выражениях: „И бысть сеча зла, и труск от копий ломления, и звук от сечения мечнаго, яко же и езеру промерзъшу двинуться. И не бе видети леду, покры бо ся кровию”¹⁶.

Как развертывалось, в подробностях, сражение, можно только гадать. Известен, однако, его переломный этап. По словам Рифмованной хроники, „те, которые находились в войске братьев-рыцарей, были окружены... Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись, но их там одолели”¹⁷. Из этого можно

¹³ Псковские летописи, 13.

¹⁴ Предполагают, что немецким войском командовал вице-магистр Андреас фон Вельвен. См.: Ледовое 1966, 188, 224, 225.

¹⁵ Ледовое 1966, 213. Так же: Кирпичников 1994, 162-166.

¹⁶ Ледовое 1966, 183.

¹⁷ Ледовое 1966, 213.

заклучить, что немецкое соединение втянулось в бой с центральным противостоящим полком, в то время как другие полки сумели охватить фланги немецкой рати. Историки давно и однозначно истолковали это обстоятельство. Его можно дополнить. Рифмованная хроника сообщает, что «часть дерптцев вышла из боя, это было их спасением, они вынужденно отступили»¹⁸. Речь, скорее всего, идет о тыловой части немецкого боевого порядка – кнехтах, которые прикрывали рыцарей с тыла. После их отступления ударная сила немецкого войска – рыцари – оказались без прикрытия. Окруженные, они не смогли, видимо, сохранить свой строй, перестроиться для новых атак и, к тому же, остались без подкрепления. Это и предопределило полный разгром немецкого войска – в первую очередь, его лучшей, на более организованной и боеспособной рыцарской силы.

Организацию немецкой рати, построенной в виде «свиньи», можно представить более детально в виде глубокой колонны с треугольным увенчанием. Расшифровывает подобное построение уникальный документ – воинское наставление «Приготовление к походу», написанное в 1477 г. для одного из бранденбургских военачальников¹⁹. В нем перечислены три подразделения – хоругви (*Banner*). Их типовые названия – «Гончая», «Святого Георгия» и «Великая»; хоругви соответственно насчитывали 466, 566 и 666 конных воинов, где главе каждого отряда ставились знаменосец и отборные рыцари, расположенные в пять шеренг. В первой шеренге, в зависимости от численности хоругв, выстраивалось от 3 до 7-9 конных, в последней от 11 до 17. Общее число воинов клина составляло от 35 до 65 человек. Шеренги выстраивались с таким расчетом, чтобы каждая последующая на своих флангах увеличивалась на два рыцаря. Таким образом, крайние воины по отношению друг к другу располагались как бы уступом и охраняли едущего впереди с одного из боков. В этом и заключалась тактическая особенность клина: он был приспособлен для собранного лобового удара и одновременно трудно уязвим с флангов.

Вторая часть хоругви, согласно «Приготовлению к походу», состояла из четырехугольного построения, включавшего кнехтов. Их число в каждом из названных выше отрядов равнялось соответственно 365, 442 и 629 (или 645). Среди кнехтов находились слуги, входившие в состав боевой свиты рыцаря: обычно лучник или арбалетчик и оруженосец. Все вместе они образовывали низшую войсковую единицу – «копье», численностью 3-5 человек, редко более. Во время боя эти воины,

экипированные не хуже рыцаря, приходили на помощь своему господину, меняли ему коня.

К достоинствам колонно-клиновидной хоругви относились ее сплоченность, фланговая прикрытость клина, таранная сила первого удара, четкая управляемость. Строй такой хоругви был удобен и для передвижения, и для завязки боя. Плотным сомкнутым шеренгам головной части отряда при соприкосновении с противником не надо было разворачиваться для защиты своих флангов.

Описанному строю были присущи и недостатки. В ходе боя, если он затягивался, лучшие силы – рыцари могли быть первыми выведены из строя. Что же касается кнехтов, то они во время схватки рыцарей находились в выжидательно-пассивном состоянии и слабо влияли на ее результат.

О слабых и сильных сторонах заостренной колонны, впрочем, судить трудно по недостатку материала. В разных регионах Европы такого типа построение, очевидно, отличалось своими особенностями и вооружением. Устанавливается, что эти тактические единицы в XIII в. были характерны не только для немцев, но и для поляков и литовцев. Были они известны и русским. В Новгородской первой и Суздальской летописях в военных событиях 1131, 1201 и 1234 гг. упомянуто слово «клин». В данных случаях это не название географических пунктов, а обозначение боевого порядка в виде треугольника²⁰. Клиновидное построение войска, что неслучайно, показано также на 113 миниатюрах Радзивилловской летописи. Есть основание считать и эти изображения реалистичными. Использовались ли отряды – клины с русской стороны в Ледовом побоище, неизвестно. Ясно, однако, что такие построения могли применяться на Руси, хотя по своему составу и вооружению, скорее всего, они отличались от немецкой «железной свиньи».

О численности русских и немецких войск, участвовавших в битве 1242 г., сведений не имеется. Утверждают, что в этом сражении с каждой стороны участвовало от 10 до 17 тысяч человек, что приравнивает его к исключительно многолюдным. Выше говорилось о, так сказать, уставной численности немецкого клина. Эти данные соотнесем с событиями XIII в., обратившись к битве между русскими и немцами при Раковоре в 1268 г. в Северной Эстонии. По ряду тактических деталей эта битва поразительно напоминает Ледовое побоище. В ней, по описанию Рифмованной хроники, четырем русским отрядам немцы противопоставили три своих. Главным подразделением являлся ливонский «железный полк – великая свинья»²¹. Именно этот отряд разумеется в Рифмованной хронике, кото-

¹⁸ Ледовое 1966, 213.

¹⁹ «Приготовление к походу курфюрста Альберта против герцога Ганса Саганского». Написано Альбрехтом Ахиллом для сына, маркграфа Иоанна, в Бранденбурге (Jähns 1880, 979-985).

²⁰ Кирпичников 1994, 97-100.

²¹ Новгородская Первая летопись, 86.

рая сообщает, что в битве участвовали 34 рыцаря и ополчение²². Указанное число рыцарей, если дополнить его командиром, составит 35, что точно соответствует численности рыцарского клина одного из отрядов в упоминавшемся выше „Приготовлении к походу” 1477 г. В том же „Приготовлении” приводится и число кнехтов такой хоругви – 365 человек. С учетом того, что цифры головных частей отрядов по данным 1477 и 1268 гг. практически совпали, можно полагать, без риска большой ошибки, что по своему общему количественному составу эти подразделения также приближались друг к другу. В таком случае мы, в определенной мере, можем судить об обычной величине немецких клинообразных хоругвей, которые принимали участие в ливовско-русских войнах XIII в.

Что же касается немецкого отряда в битве 1242 г., то он по своему составу вряд ли превосходил раковорскую „великую свинью”. В рассматриваемый период Ливонский орден, отвлеченный борьбой в Курляндии, не мог выставить крупного войска²³. Новгородская Первая летопись сообщает, что в результате сражения пало 400 немцев, 50 взято в плен и „паде чюди бещисла”²⁴. Приведенные потери, судя по всему, преувеличены. По сведениям Рифмованной хроники, тогда погибли 20 рыцарей и 6 взяты в плен. С учетом состава обычного рыцарского копия XII—XIII вв. (3 комбатанта) число убитых и плененных рыцарей и кнехтов могло достигать 78 человек.

Приведенные цифры выведенных из строя бойцов, возможно, близки к истинным. Убитых и плененных рыцарей, как упоминалось, было 26. Вероятно, почти все они входили в состав клина: эти люди первыми вступали в бой и подвергались наибольшей опасности. С учетом пятишереножного построения можно предполагать, что численность клина составляла 30-35 рыцарей. Не удивительно, что большая часть из них сложила головы на поле боя. Такой состав клина предполагает его максимальную ширину в виде шеренги из 11 бойцов. Число кнехтов в подобного рода колоннах составляло несколько более 300 человек. В итоге, при всех расчетах и допущениях, общая численность немецко-чудского воинства, принимавшего участие в сражении 1242 г., вряд ли превосходила три-четыре сотни человек, а, скорее всего, была даже меньшей.

Ливонцам противостояли, возможно, несколько более крупные силы русских. В целом же, Ледовое побоище нет оснований считать многолюдным, что, однако, не снижает его исторического значения.

Битва 1242 г. обозначила крушение захватнических планов ордена „на Востоке”. Вплоть до 1253 г. немцы не отваживались нападать на русские пределы, да и вторжения последующего времени носили в большинстве, так сказать, частный характер.

Характерно, что Александр Ярославич в 1242 г. не воспользовался благоприятным моментом приобрести для себя какую-либо выгоду. Зато немцы не замедлили „с поклоном” прислать послов в Новгород – „что осмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотыголу (Латгалия – часть Латвии) мечем, того ся всего отступаем”²⁵.

Победа 1242 г. явилась после Невской битвы, штурма Копорья и освобождения Пскова очевидным крупным успехом русских войск. Умелые действия полков, точное управление походом и боем, выбор места битвы, расположение отрядов, рассчитанное на окружение противника, высокий моральный дух воинов, поклявшихся на поле битвы умереть за своего князя и Отечество, все это способствовало успеху сражения. Учтем при этом, что исход битвы был не ясен, и бойцы готовились к худшему²⁶.

Сражение 1242 г. обогатило воинское умение русских в отношении маневра, выбора момента и направления удара своих подразделений, рассеивания боевого порядка противника и его окружения. „Железная свинья” перестала казаться несокрушимой и неуязвимой.

Значение победы войск Александра Невского в 1242 г. было оценено и жития. С той поры, писал он, „нача слыти имя его по всем странам и до моря Египетского, и до гор Араратских и об ону страну моря

²⁵ *Новгородская Первая летопись*, 78.

²⁶ Относительно места и хода битвы историк Д.Н. Алыпич утверждает, что немецкое войско во время сближения с русскими якобы втянулось в «коридор» между полуостровом Сиговиц на юге и островом Озолица и полуостровом Пирисаар на юге. Позиция явно оказалась уязвимой для орденского войска, чем и воспользовались русские. Основной фронтальный удар, что верно, нанесла немецкая «свинья» (Альпиц 2009, 51). Чудь же представлена Альпицом построенной отдельным отрядом сзади рыцарей, что, думаю, исключало ее участие в бою. С такими деталями сближения и построения ратей вряд ли можно согласиться. Трудно представить ливонского противника, так сказать, «добровольно» попавшего в дефиле удобное для встречных боковых нападений. Чудь, скорее всего, не составляла отдельного подразделения, а была придана рыцарям как их тыловое охранение в составе хоругви. Летопись прямо говорит: «сеча велика немцем и чуде». Иными словами, чудь сражалась вместе с немцами в одном боевом порядке. Битва предполагала наличие широкого открытого пространства. Противники должны были видеть друг друга, а ровный лед позволил русским оперативно осуществить фланговый охват немецко-чудской рати. Именно бой с двумя одновременно составляющими хоругвь подразделениями и предполагает удар в боковую часть немецкого построения. В ходе флангового удара чудь обратилась в бегство. Строй хоругви был разрушен, что и определило победу войск Александра Невского.

²² Пашуто 1964, 106. Противоречия сам себе, хронист пишет также о 160-ти рыцарях – участниках сражения. С немецкой стороны в разных эпизодах битвы участвовали три отряда, но не одновременно.

²³ Ледовое 1996, с. 227.

²⁴ *Новгородская Первая летопись*, 78.

Варяжского, и до великаго Рима”²⁷. Сказалось ли в этих словах преувеличение или нет, но Северо-Западная Русь в результате действий войск под водительством Александра Ярославича сохранила свою свободу и независимость. Так, в XIII в. была отвоевана сама основа грядущего возрождения Руси.

До нас дошло описание победителя в двух великих битвах Руси, в котором он предстает на фоне деятелей

мировой истории. “Глас его акы труба в народе, и лице его акы лице Есифа, иже поставил его Егупетский цесарь втораго цесаря в Егупте; сила бе его часть от силы Самсоня; дал бе ему Бог премудрость Соломоню, и храбрьство же акы цесаря Римьскаго Еуспасьяна, иже бе пленил всю Подъиюдейскую землю... Такоже и сий князь Олександр бе побежая, а не победим”²⁸.

Источники

Летопись по Лаврентьевскому списку. Санкт-Петербург 1872.

Новгородская Первая летопись. Москва, Ленинград 1950.

Псковские летописи. Москва, Ленинград 1941.

Литература

Алыпц Д.Н. 2009. *От легенд к фактам. Розыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси.* Санкт-Петербург.

Бегунов Ю.К. 1965. *Памятник русской литературы XIII в. В: Слово о погибели Русской земли.* Москва, Ленинград.

Jähns M. 1880. *Handbücher Geschichte des Kriegswesens von Urzeit bis zur Renaissance.* Leipzig.

Кирпичников А.Н. 1980. *Куликовская битва.* Ленинград.

Кирпичников А.Н. 1992. *Древнерусский воинский отряд – „клин”.* В: *Arma et Ollae. Studia dedykowane Profesorowi Andrzejowi Nadolskiemu w 70 rocznicę urodzin i 45 rocznicę pracy naukowej. Sesja naukowa, Łódź, 7-8 maja 1992 r.* Łódź.

Кирпичников А.Н. 1994. *Ледовое побоище 1242 г.: Новое осмысление.* „Вопросы истории” 5, 162-166.

Кирпичников А.Н. 1995. *Невская битва 1240 года и ее тактические особенности.* В: *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* Санкт-Петербург, 24-30.

Кучкин В.А. 1986. *О дате рождения Александра Невского.* „Вопросы истории” 2, 174-176.

Кучкин В.А. 1994. *Трудные годы Александра Невского.* В: *Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических связей: Тезисы докладов.* Москва.

Ледовое 1966. *Ледовое побоище.* В: *Труды комплексной экспедиции по уточнению Ледового побоища.* Москва, Ленинград.

Мещерский Н.А. 1958. *История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе.* Москва, Ленинград.

Пашуто В.Т. 1964. *Рифмованная хроника как источник по русской истории.* В: *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран.* Москва.

Словарь 1981. *Словарь русского языка XI-XVII вв.* Москва.

Срезневский И.И. 1902. *Материалы для словаря древнерусского языка 2.* Санкт-Петербург.

Streszczenie

Dwie znaczące bitwy Aleksandra Newskiego

W ciągu swego krótkiego życia (1220-1263) książę Aleksander Jarosławowicz dowodził podczas 12 bitew ze Szwedami, Niemcami, Litwinami i we wszystkich odniósł zwycięstwa. Żył w trudnych czasach. Z jednej strony musiał podporządkować się Mongołom, z drugiej walczyć z naporem sąsiadów na ziemi północno-zachodniej Rusi. Dwie bitwy miały szczególne znaczenie. W 1240 r. Szwedzi wpłynęli Newą w głąb Rusi i u ujścia Iżory założyli obóz obronny. Po całodziennym boju Aleksandrowi udało się pokonać Szwedów i zmusić ich do odwrotu. Na cześć zwycięstwa otrzymał przydomek Newski. W 1242 r. zatrzymał ekspansję zakonu kawalerów mieczowych, zadając im klęskę na lodzie zamarznętego jeziora Pejpus. Doświadczenia obu tych bitew wzbogaciły sztukę wojenną Rusinów, rozślawiły imię Aleksandra, ochroniły wolność i niezależność północno-zachodniej Rusi.

²⁷ Ледовое 1966, 184.

²⁸ *Летопись по Лаврентьевскому списку*, 454

